

Дѣйствія VI корпуса и главныя причины неудачи II арміи въ Восточной Пруссіи.*)

(По воспоминаніямъ и выводамъ участника).

Въ нашей арміи офицеру генеральнаго штаба съ первыхъ же дней его службы приходилось непосредственно соприкасаться и работать со старшими начальниками, начиная съ н-ка дивизіи. Поэтому, по прибытіи наканунѣ войны въ 16 дивизію (въ маѣ 1914 г.) молодымъ капитаномъ генеральнаго штаба, я заинтересовался прежде всего, каковъ командный составъ корпуса, съ которымъ мнѣ придется имѣть постоянное соприкосновеніе по службѣ. Путемъ разговоровъ и наблюденій въ теченіе мая и іюня мнѣ удалось выяснитъ слѣдующее:

Командиръ корпуса, генераль-отъ-инфантеріи Благовѣщенскій, всю жизнь провелъ въ канцеляріяхъ. Во время Японской войны былъ дежурнымъ генераломъ штаба арміи. Составилъ руководство для адъютантовъ — какіе и въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ выдавать литеры для бесплатнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ воинскихъ чиновъ. Большой формалистъ; все основываетъ на буквѣ закона; ни одной бумаги не подпишетъ, если внизу не проставлена справка: ст... §... Св. В. П. 1869 г. изд... прим... и т. п. Военнаго дѣла не знаетъ и имъ не интересуется; кромѣ „Инвалида“ ничего не читаетъ.

Начальникъ штаба корпуса, генераль-маіоръ Н., человекъ не серьезный и не дѣловой; военнымъ дѣломъ не интересуется, съ кромѣ корпуса не въ ладахъ, почему ко всѣмъ его указаніямъ и словеснымъ приказамъ необходимо было относиться осторожно.

Начальникъ 16 пѣх. дивизіи, ген.-лейт. Р., лихой и браваый генералъ. Слишкомъ строгъ и придирчивъ къ подчиненнымъ. Любитъ распекаать, не стѣсняясь выраженіями, почему часто оскорбляетъ даже почтенныхъ штабъ-офицеровъ. На смотрахъ и ученіяхъ его боятся до того, что совершенно теряются. Какъ бывший кавалеристъ на пѣхоту смотритъ свысока, полупрезрительно. Всѣхъ людей дѣлитъ на 2 сорта: *comme il faut* и не *comme il faut*. Военное дѣло какъ будто знаетъ. По крайней мѣрѣ читалъ нѣкоторыя новинки по нѣмецкой литературѣ, тѣмъ болѣе, что самъ нѣмецъ, и нѣмецкимъ языкомъ владѣетъ свободно.

*) Прим. Редакціи. Въ цѣляхъ всесторонняго освѣщенія В. Прусской катастрофы Редакція помѣщаетъ эту статью въ дополненіе къ статьѣ В. Фукса — „Краткій очеркъ операціи Наревской арміи“ и ст. Р.-Л. — „Причины неудачъ II арміи генерала Самсонова въ Восточной Пруссіи“.

Начальникъ штаба дивизіи, полковникъ фонъ-Энгель, чисто рускій нѣмецъ, видимо, отличный офицеръ ген. штаба — аккуратный, серьезный, преданный военному дѣлу и слѣдящій за военной литературой.

Командиры бригадъ — старые служаки; какъ строевые генералы дѣло свое знаютъ.

Изъ 4-хъ командировъ полковъ 3 безусловно хороши; 2 изъ нихъ окончили военную академію; третій георгиевскій кавалеръ Японской войны.

Составъ строевыхъ офицеровъ въ полкахъ безусловно отличный, преданный своему дѣлу и воспитанный въ духѣ всегдашней готовности къ войнѣ. Что же касается массы солдатъ, то это былъ прекрасный боевой матеріалъ, достаточно обученный и воспитанный въ воинскомъ духѣ.

Если прибавить къ этому вѣдренное традиціонно въ умы всѣхъ чиновъ сознание, что въ случаѣ войны придется первыми сразиться съ нѣмцами и готовность къ этому, то слѣдуетъ заключить, что это былъ одинъ изъ лучшихъ корпусовъ русской арміи. Въ частности 6 кавалерійская дивизія была типичной дивизіей русской кавалеріи, воспитанной въ лихости, готовности къ самопожертвованію и жадѣ воинскихъ подвиговъ.

Таковы были впечатлѣнія о VI корпусѣ наканунѣ войны.

Корпусъ въ составѣ 16 (Скобелевской) и 4-ой пѣхотныхъ и 6-ой кавалерійской дивизій былъ расположенъ въ мирное время въ районѣ Бѣлостока, Осовца, Граева и Ломжи. Какъ пограничный по расположенію корпусъ содержался въ усиленномъ составѣ (въ ротахъ по 180 штыковъ). Второочередныхъ дивизіи онъ не выдѣлялъ.

Корпусъ мобилизовался въ 5 дней и выступилъ въ походъ для выполненія своей задачи согласно плану мирнаго времени. Задача эта состояла въ томъ, что, опираясь на кр. Осовецъ и ведя развѣдку въ направленіи Граево—Лыкъ на определенномъ фронтѣ, корпусъ долженъ прикрыть Бѣлостокское направленіе и задерживать наступленіе нѣмцевъ до окончанія мобилизаци и сосредоточенія болѣе тыловыхъ корпусовъ Варшавскаго и Виленскаго военныхъ округовъ.

Занявъ 25 іюля ст. ст. указанный ему районъ южнѣе кр. Осовца, съ однимъ полкомъ въ самой крѣпости, корпусъ простоялъ здѣсь въ бездѣйствіи до 1-го августа ст. ст. Около того времени 6-ая кавал. дивизія уже успѣла сразиться съ нѣмцами (ландштурмъ, прикрывающій границу). Столкновение было неудачно. Дивизія потеряла 10 конныхъ орудій (осталось 2); одинъ полкъ понесъ значительныя потери. Какъ рассказывали тогда же участники, н-къ дивизіи генералъ Толпыго (лихой, но мало образованный кавалеристъ) рѣшилъ взять пѣхотную позицію конной атакѣ. Для подготовки ея приказалъ выкатить одну конную батарею на открытую позацию и самъ сталъ на батарее. Въ короткое время батарея была уничтожена огнемъ непріятельской артиллеріи. Тогда на томъ же мѣстѣ онъ при-

казаль поставить другую батарею, которую постигла та-же участь. Удалось спасти только 2 орудія*). Эта первая неудача въ несерьезномъ бою произвела дурное впечатлѣніе и сразу отняла у кавалеріи ея наступательный порывъ.

Къ 1 августа ст. ст. задача корпуса измѣнилась — очевидно въ связи съ выяснившимся наступленіемъ нѣмцевъ на Парижъ и рѣшеніемъ нашего главнаго командованія занять В. Пруссію, дабы оттянуть нѣмецкіе резервы отъ Парижа. Корпусу приказано: оставивъ одинъ полкъ 16 дивизіи въ Осовцѣ въ качествѣ его гарнизона, выступить въ направленіи на Ломжу и итти форсированными маршами согласно отдаваемымъ штабомъ арміи ежедневнымъ приказаніямъ.

Корпусъ выступилъ 2 августа по-дивизионно и двигался по одной или двумъ дорогамъ, что указывалось ежедневно. Идя безъ дневокъ, 16 дивизія прошла мимо Ломжи по труднопроходимымъ песчанымъ дорогамъ на Мышинецъ и 8-го, въ день солнечнаго затменія, перешла нѣмецкую границу противъ мѣстечка Фридрихсгофена. Двигаясь безостановочно дальше, дивизія 10-го заняла безъ сопротивленія Ортельсбургъ, а въ ночь съ 12 на 13-е августа — Бишофсбургъ, отстоящій въ 80 км. въ сѣверномъ направленіи отъ германской границы. Итого — 11 дней непрерывнаго похода безъ дневокъ и безъ боевыхъ столкновеній. При движеніи по 2-мъ дорогамъ 16 дивизія всегда была правофланговой. Въ этихъ случаяхъ связь съ 4 дивизіей поддерживалась легко, но вправо, т. е. восточнѣе отъ насъ, тянулись безконечные лѣса и рѣдкіе населенные пункты. По частнымъ свѣдѣніямъ изъ штаба корпуса въ штабъ дивизіи было извѣстно, что восточнѣе насъ должна быть армія ген. Ренненкампа, которая преслѣдуетъ отступающихъ нѣмцевъ. Наша задача — преградить имъ дорогу. Какія части и гдѣ находятся лѣвѣе, т. е. западнѣе VI корпуса, и какія задачи имъ поставлены, мы не знали вплоть до конца всей операціи. Во время похода отъ разъѣздовъ кавал. дивизіи мы имѣли свѣдѣнія, что восточнѣе насъ на десятки верстъ нѣтъ ни своихъ, ни непріятельскихъ войскъ.

Управленіе въ эти дни производилось слѣдующимъ образомъ. На каждый день штабъ корпуса отдавалъ приказанія — диспозиціи. Такая диспозиція занимала 4 страницы обыкновеннаго листа бумаги и содержала свыше 20 пунктовъ. Ея форма совпадала съ той формой диспозиціи, какая приведена въ старыхъ уставахъ и наставленіяхъ 80 - 90-хъ годовъ. Изъ разговоровъ съ чинами штаба корпуса выяснилось, что прежде отдачи диспозиціи всѣ старшіе чины корпуса (н-къ штаба, инспекторъ артиллеріи, интендантъ, врачъ и пр.) должны были дѣлать к-ру корпуса докладъ (какъ въ мирное время). Онъ выслушивалъ, утверждалъ или исправлялъ и затѣмъ приказывалъ н-ку штаба отдать диспозицію. Слѣдствіемъ такого способа работы, а также запаздыванія приказовъ изъ штаба арміи, было то, что диспозиція получалась въ штабъ дивизіи чаще всего послѣ времени, назначеннаго для выступленія частей войскъ. Пришлось тогда при

*) Свѣдѣдія эти почерпнуты тогда же отъ офицеровъ участниковъ.

помощи знакомствъ съ младшими чинами штаба предварительно разузнавать, въ какомъ направленіи и когда предстоитъ выступленіе. Полкамъ отдавались объ этомъ краткія приказанія съ вечера, а подробный приказъ по дивизіи разсылали уже въ походъ. Впослѣдствіи мы узнали, что даже штабу арміи указывалось ежедневно штабомъ фронта, до какой линіи и по какимъ дорогамъ должны дойти корпуса. Такимъ образомъ штабъ арміи не имѣлъ никакой инициативы. Онъ долженъ былъ лишь повторять сказанное штабомъ фронта: сегодня корпусамъ дойти до такихъ то пунктовъ...

Обыкновенно выступали въ 6 час. утра (иногда выступленія запаздывали вслѣдствіе несвоевременнаго полученія приказаній) и шли походнымъ порядкомъ съ большимъ приваломъ. Переходы закачивались съ наступленіемъ темноты. Затѣмъ всю ночь въ штабахъ дивизій и полковъ кипѣла работа по организациіи связи, развѣдки, составленію донесеній и отдачѣ распоряженій на слѣдующій день.

Уже послѣ 7 дней непрерывнаго марша — первоначальный боевой подъемъ смѣнился усталостью. Всѣ обозы и тылы отстали. Хлѣба совсѣмъ не стало. Кормились мѣстными средствами, исключительно мясомъ и картофелемъ, чего было въ изобиліи. Въ войскахъ стала замѣтна нервность и задавались вопросы — куда мы идемъ въглубь лѣсовъ и почему нѣтъ противника?

Послѣ 11-ти дневнаго форсированнаго марша войска несомнѣнно выдохлись физически. 12 августа въ сумерки (было уже 9 час. веч.) передовыя части 16 дивизіи со штабомъ (дивизія составляла правую колонну и шла кружной полевой дорогой) заняли Бишофсбургъ. 4-ая дивизія прошла этотъ пунктъ ранѣ насъ и выдвинулась сѣвернѣе его въ направленіи Гроссъ-Бессау. Штабъ корпуса прибылъ также въ Бишофсбургъ. Никакихъ свѣдѣній о противникѣ въ штабъ 16 дивизіи не было. Ближняя развѣдка нашихъ 2-хъ сотенъ нигдѣ его не обнаружила. Ночью получено приказаніе к-ра корпуса — выступить на разсвѣтъ 13-го августа и итти на Алленштейнъ (по шоссе) — 16 дивизія головная, весь корпусъ по одной дорогѣ.

Выступая на разсвѣтъ изъ Бишофсбурга, мы услышали къ сѣверу отъ него приблизительно окого Гроссъ-Бессау частую перестрѣлку, а затѣмъ и рѣдкій артиллерійскій огонь. Выяснили въ штабѣ корпуса, что передовыя части 4 дивизіи ввязались въ бои съ какими то частями противника, занимавшаго лѣсъ. 16 дивизіи приказано продолжать выполненіе своей задачи (идти на Алленштейнъ). Едва дивизія успѣла вытянуться по шоссе (обозы I разр. при полкахъ, а II разр. въ общей колоннѣ за дивизіей), на что потребовалось болѣе 2-хъ часовъ, какъ получено новое приказаніе — остановиться. Артиллерійскій огонь со стороны Бишофсбурга усилился. Постояли на шоссе около часа. Получено новое приказаніе — продолжать движеніе. Приблизительно около 11 час., пройдя около 15 клм., дивизія остановилась на большой привалѣ и здѣсь получила новое приказаніе — повернуть немедленно обратно на Бишофсбургъ. Повернули просто кругомъ, послѣ чего арріергардный полкъ сталъ авангардомъ, а впереди его обозы II р. и парки. По мѣрѣ приближенія

къ Бишофсбургу все яснѣ доносился гулъ частаго артиллерійскаго огня (впослѣдствіи называемаго ураганнымъ). Недоходя 4—5 клм. до города, дивизія была остановлена на шоссе новымъ приказаніемъ. Организована развѣдка противника, а также связь съ 4 дивизіей. Штабъ корпуса находился въ Бишофсбургѣ.

Сплошной артиллерійскій гулъ со стороны Бишофсбурга и бездѣйствіе создали весьма нервное настроеніе въ нашихъ войскахъ. Солнце уже садилось, когда послышался крикъ — „кавалерія слѣва“! Тотчасъ же батареи выѣхали на позицію, а пѣхота открыла безпорядочный огонь по невидимой кавалеріи. Генераль Р. со штабомъ и конвойной сотней рѣшилъ ѣхать впередъ. Полковникъ ф. Энгель и я разубѣждали его въ этомъ намѣреніи, доказывая, что авангардъ всего лишь въ 2-хъ клм. отъ насъ, связь по шоссе прочна, не стоитъ мѣшать к-ру полка. Н-къ дивизіи все же отправился. Едва доскакали до авангарда и выяснили, что перестрѣлка ведется въ сторожевомъ охраненіи въ лѣсу, какъ оттуда же начали долетать и рвались высоко по обѣимъ сторонамъ шоссе непріятельскія шрапнели. Н-къ дивизіи тотчасъ же повернулъ обратно. Сначала шли шагомъ, сдерживая лошадей, но по мѣрѣ усиленія нервного состоянія всадниковъ, лошади рвались впередъ. Пошли рысью, затѣмъ галопомъ и вдругъ... свои же насъ встрѣтили безпорядочнымъ, частымъ огнемъ, принявъ, очевидно, скачущую со штабомъ сотню за непріятельскую кавалерію. Лошадь моя споткнулась и упала; я вылетѣлъ изъ сѣдла на откосъ шоссеиной выемки. Мимо меня скакали всадники, лошади безъ всадниковъ, неслись повозки, двуколки, что то кричали люди. Минуть черезъ 15 все пронеслось и стихло. Пройдя пѣшкомъ около 2-хъ клм. я нашелъ на шоссе н-ка штаба дивизіи, приводящаго въ порядокъ обозы, запрудившіе шоссе.

Оказалось, что н-къ дивизіи раненъ въ руку своей же русской пулей и эвакуировался (сѣлъ на единственный автомобиль, посадилъ туда фельдшера и уѣхалъ въ Бѣлостокъ). Въ командованіе дивизіей вступилъ к-ръ бригады ген. маіоръ Баудеръ; старый строевой генераль, участникъ войны 1877—78 г.г. Онъ проявилъ полное хладнокровіе; обошелъ вмѣстѣ съ нами части войскъ, успокоилъ ихъ. Бой всюду затихъ; лишь рѣдкіе артиллерійскіе выстрѣлы вспыхивали со стороны Бишофсбурга.

Отъ офицеровъ, состоящихъ для связи при штабѣ корпуса и штабѣ 4 дивизіи получены донесенія, что 4 дивизія совершенно разбита. Она отходитъ на Ортельсбургъ; 16 дивизіи приказано прикрыть отступленіе, двигаясь туда же. Впослѣдствіи уже выяснилось, что 4 дивизія была разбита по Куропаткинской системѣ: сперва введенъ въ бой одинъ полкъ — разбить, потомъ другой, третій съ тѣмъ же результатомъ; 4-ый остался до конца боя въ качествѣ резерва при к-рѣ корпуса и принялъ лишь небольшое участіе въ дѣлѣ. 16 дивизія не получила никакихъ боевыхъ приказовъ кромѣ послѣдняго о прикрытіи отступленія.

На разсвѣтъ 14-го августа 16 дивизія выступила вдоль южной окраины Бишофсбурга и непрерывно отходила до 4-хъ часовъ дня,

когда аррьергардъ ввязался въ бой съ нагнавшимъ его авангардомъ противника у Пфафендорфа. Постепенно развернулись и вступили въ бой также и главные силы. Однако противникъ наступалъ вяло и въ сумеркахъ бой затихъ. Ночнымъ маршемъ дивизія двинулась дальше на Ортельсбургъ, котораго и достигла 15-го авг. утромъ. Штабъ корпуса по приказу долженъ былъ быть въ Менсгутъ. Однако его тамъ не оказалось и связь съ нимъ утеряна. Точно также утеряна связь съ послѣдно отступавшей 4 дивизіей. 16 Дивизія прошла мимо горящаго Ортельсбурга и расположилась нѣсколько восточнѣе его. По слухамъ, тамъ же въ одной изъ деревень находился и штабъ корпуса. Командующій дивизіей и н-къ штаба уѣхали туда за указаніями; мнѣ же поручено объѣхать всѣ части дивизіи, выяснить ихъ расположеніе, настроеніе и нужды. Въ тотъ же день прибылъ оставленный въ Осовцѣ 1-ый (Владимирскій) полкъ дивизіи и это сильно подняло упавшій было духъ дивизіи. Непонесшая никакихъ потерь и даже не видѣвшая пораженія 4 дивизіи, наша 16 дивизія оставалась сильной какъ численностью, такъ и морально.

Заканчивая объѣздъ полковъ, не зная, гдѣ штабъ корпуса и какова общая обстановка (съ противникомъ связь была утеряна 14-го вечеромъ), я неожиданно встрѣтилъ автомобиль, въ которомъ находились: незнакомый мнѣ полковникъ въ формѣ кавалерійскаго полка и 2 офицера ген. штаба — штаба корпуса. Автомобиль остановился, поравнявшись со мною, и совершенно неожиданно полковникъ въ крайнѣ рѣзкой формѣ осыпалъ меня рядомъ вопросовъ: „гдѣ ваша дивизія, гдѣ болтается вашъ штабъ, почему отъ васъ нѣтъ никакихъ донесеній?“ Въ томъ же тонѣ я отвѣтилъ: „дивизія наша здѣсь и въ полномъ порядкѣ, штабъ нашъ, какъ ему полагается, находится все время при войскахъ; нач-къ штаба уѣхалъ за приказаніями въ штабъ корпуса; а вотъ, куда пропалъ вчера штабъ корпуса, мы никакъ не могли выяснить; вообще въ постигшемъ корпусѣ поражении всецѣло виноватъ штабъ корпуса; его управленіе было ниже всякой критики; мнѣ необходимо скорѣй кончатъ объѣздъ расположенія дивизіи, честь имѣю кланяться“.

Вернувшійся изъ штаба корпуса полк. Энгель, выслушавъ мой докладъ, сказалъ: „все это хорошо, но зачѣмъ вы наговорили неприятностей новоназначенному начальнику штаба корпуса, полковнику Залѣсскому?“ Черезъ нѣсколько дней я извинился передъ послѣднимъ, на что онъ сказалъ мнѣ: „Ничего, я тоже горячусь и выхожу изъ себя, когда говорю правду начальству“.

Полк. Энгель привезъ дурныя вѣсти. Въ штабъ корпуса, очевидно, не имѣютъ связи со штабомъ арміи; 4-ая пѣх. дивизія — деморализована; 6-ая кавалерійская сильно утомлена и требуетъ продолжительнаго отдыха; наша въ порядкѣ, но послѣ 2-хъ недѣльныхъ непрерывныхъ маршей требуетъ также отдыха. К-рь корпуса не знаетъ, что ему дѣлать. Н-къ штаба корпуса смѣненъ; на его мѣсто прибылъ полк. Залѣскій. „Я совѣтовалъ сегодня отдохнуть, а завтра, 16-го авг. перейти вновь въ наступленіе“ — закончилъ полковникъ ф.-Энгель.

Въ ночь съ 15-го на 16-ое авг. сторожевымъ охраненіемъ 61-го Владимирскаго полка съвернѣе Ортельсбурга былъ подстрѣленъ автомобиль съ 2-мя нѣмецкими офицерами. Въ полевой сумкѣ одного изъ нихъ найденъ приказъ по лѣвой колоннѣ и карта съ обозначеніемъ движенія XVII арм. корпуса, съ которымъ нашъ VI корпусъ велъ бой у Бишофсбурга. XVII нѣмецкій корпусъ шелъ на Виленбергъ. Было совершенно ясно, что главныя дѣйствія разыгрываются гдѣ-то западнѣе Ортельсбурга, а мы стоимъ въ сторонѣ. Документы эти были тотчасъ посланы въ штабъ корпуса, а утромъ 16-го я поѣхалъ туда за ориентировкой и приказаніями.

Прибывъ въ расположеніе штаба корпуса и открывъ дверь въ первую попавшуюся хату, я неожиданно увидѣлъ к-ра корпуса, склонившагося надъ большой 10 верстной картой. Желая предварительно видѣть кого либо изъ чиновъ генеральнаго штаба, я хотѣлъ было закрыть дверь и уйти, но онъ замѣтилъ и крикнулъ: „А, это вы, пожалуйста сюда!“ Распросивъ о расположеніи дивизіи, о сдѣланныхъ распоряженіяхъ, отмѣтивъ мои отвѣты булавками на картѣ, генераль Благовѣщенскій въ заключеніе спросилъ: „а каково настроеніе въ дивизіи?“ Я отвѣтилъ; „сегодня хорошее, а было не важно, какъ всегда у побѣжденныхъ“. — Ну, вамъ то нечего сокрушаться, вѣдь вы даже и не сражались, — замѣтилъ генераль. — „Вотъ то то и плохо, В. В. Прев., что не сражались, вѣдь, если бы вы не держали насъ въ бездѣйствіи весь день на шоссе, а двинули въ бой, напр., въ направленіи озера, то, можетъ быть и исходъ былъ бы другой“. — „Ну да, если бы я зналъ, что тамъ есть, то конечно“, — возразилъ генераль. Я вспомнилъ тутъ же азбучную истину изъ тактики въ нашей Академіи: „почти всегда передъ боемъ старшій начальникъ не будетъ знать точно силъ и намѣреній противника; это часто выясняется лишь послѣ войны. Посему для принятія рѣшенія не ждите полнаго выясненія обстановки, не задавайте также нелѣпыхъ задачъ — выяснитъ точно силы и намѣренія противника!“

Къ вечеру 16-го авг. получено приказаніе к-ра корпуса: „17-го съ разсвѣтомъ 16-ой дивизіи перейти въ наступленіе на Ортельсбургъ и овладѣть имъ; правѣе 4-ая пѣх. дивизія, лѣвѣе 6-ая кавалерійская“ (подробностей не помню).

Дивизія уже свѣсла хорошо отдохнуть, ознакомиться съ мѣстностью и наладить связь. Бой начался около 6 час. утра. Противникъ, силы котораго намъ не были извѣстны, оказалъ упорное сопротивление. Въ восточной окраинѣ города защищался каждый домъ. Изъ оконъ зданій, съ чердаковъ по наступающимъ нашимъ частямъ бѣгло стрѣляли пулеметы. Благодаря пересѣченной мѣстности и отличнымъ закрытымъ позиціямъ нашей артиллеріи, потери наши были незначительны. Въ сущности бой развивался нормально. Часовъ около 10-ти наши части дошли до шоссе, что съвернѣе Ортельсбурга, и начали охватывать лѣвый флангъ противника. Къ 12 час. по шоссе со стороны Виленберга замѣтно было движеніе большой колонны войскъ къ Ортельсбургу. Изъ корпуса насъ предупредили, что это должны быть наши части сосѣдняго корпуса и потому артиллеріи

приказано не обстрѣливать. Артиллеристы же полагали, что это противникъ и рвались использовать столь благодарныя цѣли. Вдругъ около 2 час. дня к-ръ корпуса приказаль выйти изъ боя и отступить къ границѣ. Не довѣряя цѣлесообразности его приказаній, к-щій дивизіей и н-къ штаба настаивали на томъ, что нужно затянуть бой до вечера, ибо дневное отступление крайне опасно. Однако приказъ объ отходѣ остался въ силѣ.

Благодаря тому, что въ ближайшемъ тылу боя находился лѣсъ и артиллерія наша занимала закрытыя позиціи, недоступныя непріятельскому наблюденію, удалось отойти благополучно. Къ утру 18-го дивизія находилась уже въ районѣ Мышинца (на границѣ), выставивъ сторожевое охраненіе на прусской территоріи. Къ вечеру 18-го сторожевое охраненіе вступило въ перестрѣлку съ противникомъ, а въ ночь на 19-е августа корпусъ отошелъ къ Нареву.

Почему дивизіи было приказано столь спѣшно отступить — мы такъ и не узнали, но недѣлю спустя, когда выяснилось пораженіе арміи, к-ръ VI корпуса ставилъ себѣ въ заслугу своевременное отступление и спасеніе корпуса отъ окруженія, которому подверглись XV и XIII корпуса. Однако къ концу августа онъ былъ отчисленъ отъ командованія и уволенъ въ отставку. Вообще въ теченіе перваго мѣсяца войны весь старшій командный составъ корпуса (к-ръ корпуса, н-къ штаба, н-ки дивизій) были или отчислены по неспособности или эвакуировались.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ И ВЫВОДЫ.

Первыя сраженія на войнѣ имѣютъ огромное значеніе. Они сразу даютъ моральный перевѣсъ побѣдителю и понижаютъ духъ у побѣжденнаго. Они же сразу обнаруживаютъ степень выучки и искусства воюющихъ армій. Въдѣ на войнѣ войска дѣлаютъ лишь то, чему ихъ учили въ мирное время, но лишь значительно хуже подъ вліяніемъ опасности.

Принимая во вниманіе несомнѣнно объективное изложеніе событій полковника Фукса въ его статьѣ „Краткій очеркъ операціи Наревской арміи“, Р.-П. „Причины неудачи II арміи ген. Самсонова по запискѣ ген. Клюева“, приведенные мною выше факты и собственныя наблюденія, я прихожу къ опредѣленнымъ выводамъ о причинахъ нашихъ пораженій въ Вост. Пруссіи.

Если въ послѣдствіи причины вообще нашихъ неудачъ усматривали въ недостатокѣ снарядовъ, плохой выучкѣ призываемыхъ на службу, ихъ некультурности и отсутствію патріотизма, недостатку офицеровъ, то для первыхъ сраженій въ В. Пруссіи всѣ эти соображенія отпадаютъ. Снарядовъ и патроновъ было достаточно; полевая артиллерія работала прекрасно; въ нѣкоторыхъ корпусахъ была и тяжелая артиллерія (въ нашемъ — VI); въ бой вступили лучшіе корпуса въ составѣ почти мирнаго времени. И тѣмъ не менѣе мы были совершенно разбиты и притомъ меньшими силами противника.

Въ составѣ II арміи ген. Самсонова входило 5 арм. корпусовъ и 3 кавалер. дивизіи; I-ая армія ген. Ренненкампа, бездѣйствіе кото-

рой было одной изъ причинъ пораженія II арміи, состояла изъ 4-хъ армейскихъ корпусовъ и 3 кавалерійскихъ дивизій. Сначала 5 арм. корпусовъ и 3 кавал. дивизіи II арміи были разбиты 5-ю герм. корпусами съ одной кавал. дивизіей и при томъ съ ужасными результатами (2 корпуса цѣликомъ взяты въ плѣнъ, остальные 3 понесли чувствительныя потери). А затѣмъ тѣ же 5 герм. корпусовъ съ ново-прибывшими съ французскаго фронта 2-мя корпусами (XI и Гв. рез.) и одной кавал. дивизіей уже легко справляются съ I арміей генерала Ренненкампа и вызываютъ спѣшное формированіе съ нашей стороны новой X арміи. Развѣ не должны были быть мы побѣдителями, имѣя 9 корпусовъ и 6 кавал. дивизій противъ 5 герм. корпусовъ съ одной кавал. дивизіей?

Поэтому причины страшнаго пораженія, нанесеннаго нашей II арміи, лежатъ исключительно въ области военнаго искусства, вѣрнѣе въ той его части, которая проявляется высшимъ командованіемъ.

Старый Мольтке говорилъ, что историкъ долженъ быть скромнѣе, ибо слишкомъ велика разница — критиковать послѣ войны съ документами въ рукахъ и принимать рѣшеніе въ періодъ событій, т. е. рѣшать задачу на мѣстѣ со многими неизвѣстными. Словомъ, нужно имѣть въ виду „la critique est aisée, mais l'art est difficile“ (критика легка — искусство трудно). Однако, историкъ — очевидецъ и участникъ событій, который также въ то время рѣшалъ задачу со многими неизвѣстными и который принимаетъ во вниманіе главнымъ образомъ тогдашнюю обстановку, можетъ быть строже и правдивѣе будущаго историка.

Къ глубокому сожалѣнію, не только для насъ, но и для иностранцевъ стала очевидной еще послѣ Японской войны та печальная истина, что 90% нашего высшаго команднаго состава проявили совершенную непригодность и военное невѣжество. При нашей государственной системѣ въ теченіи всего XIX вѣка высшій командный составъ никогда не подвергался контролю или провѣркѣ знаній. Ихъ авторитетъ оберегался всѣми силами государственной власти. Послѣ Японской войны неудачные генералы были большею частью устранены, но удачливые, т. е. не бывшие на войнѣ или ничѣмъ не командовавшіе, продолжали служить по прежней системѣ.

Между тѣмъ при общемъ умственномъ прогрессѣ во второй половинѣ XIX вѣка военная наука сдѣлала гигантскіе успѣхи и требовала особаго вниманія со стороны старшихъ чиновъ. Между тѣмъ вся наша система назначенія на высшія должности и подбора лицъ, на которыхъ ложилась величайшая отвѣтственность во время войны, противорѣчила не только требованіямъ военной науки, но даже простой цѣлесообразности. Каковы были наши высшіе чины — военный министръ Сухомлиновъ, н-къ генеральнаго штаба Янушкевичъ, его предшественникъ, потомъ к-щій сѣверо-западнымъ фронтомъ въ составѣ I и II армій, ген. Жилинскій, мы уже знаемъ изъ статей: ген. Головина — „Современная война и красная вооруженная сила“ — (№ 3 „Воен. Сб.“) и ген. Драгомирова — „Подготовка Русской Арміи къ войнѣ“ (№ 4 „Воен. Сб.“). Посему коснемся только главнѣйшихъ

дѣйствующихъ лицъ В.-Прусской трагедіи. Характеристика ген. Благовѣщенскаго приведена мною выше. К-ръ I корпуса, ген. Артамоновъ былъ хорошо извѣстенъ въ Петроградскомъ округѣ еще въ мирное время, какъ обращающій при посѣщеніи войскъ главное вниманіе на то, достаточно ли иконъ имѣется въ казармахъ и знаютъ ли солдаты молитвы; вообще же это былъ человекъ, преслѣдующій исключительно цѣли личной карьеры, ханжа, не пользующійся ни малѣйшимъ уваженіемъ среди подчиненныхъ. Свою безталантность онъ проявилъ еще во время Японской войны, но однако не былъ уволенъ въ числѣ многихъ другихъ. Находясь уже въ полномъ отступленіи послѣ столкновенія у Уздау, онъ доносилъ, что I корпусъ „стоитъ какъ скала“. Генералы Благовѣщенскій и Артамоновъ сыграли наиболѣе печальную роль въ катастрофѣ II-й арм., какъ к-ры фланговыхъ корпусовъ. Избѣгая серьезнаго боя съ противникомъ, они отступили послѣ перваго же столкновенія.

К-щій II арміей, ген. Самсоновъ во время Японской войны командовалъ казачьей дивизіей. Въ роковые дни 14—17 августа его военный кругозоръ не поднялся выше н-ка кавал. дивизіи. Онъ, к-щій арміей изъ 5-ти корпусовъ и 3-хъ кавалерійскихъ дивизій, бросаетъ штабъ и съ отдѣломъ ген.-квартирмейстера (словно съ командой ординарцевъ) отправляется на автомобиляхъ на мѣсто боя. Въ результатѣ распоряжается бригадами, теряетъ связь, управленіе и безславно гибнетъ.*)

Н-къ штаба II арміи, ген. Постовскій съ цѣлымъ отдѣломъ ген.-квартирмейстера ѣдетъ сопровождать к-щаго арміей словно на парадѣ. Ему, очевидно, и въ голову не приходитъ заявить командующему; „В. В. Пр., Вы вправѣ ѣхать куда угодно, но штабъ арміи обязанъ быть тамъ, гдѣ налажена связь со штабами корпусовъ. Этой связи штабъ арміи никогда не долженъ терять“. Послѣ катастрофы со II арміей ген. Постовскому дали дивизію, гдѣ онъ также показалъ свою бездарность, особенно въ бояхъ подъ Ловичемъ.

Очень характеренъ для нашего высшаго командованія слѣдующій фактъ. Еще до первыхъ столкновеній во время марша помощникъ начальника оперативнаго отдѣленія штаба арміи, полковникъ Андогскій, представилъ н-ку штаба докладную записку, въ которой доказывалъ, что при такомъ способѣ марша армія потерпитъ поражение, ибо во встрѣчномъ бою нельзя вести корпуса столь удаленно другъ отъ друга, тѣмъ болѣе въ лѣсисто-пересѣченной мѣстности. Въ этомъ случаѣ они легко подвергнутся отдѣльному поражению (такъ и случилось съ VI корпусомъ, шедшемъ въ разстояніи 40 клм. отъ сосѣдняго XIII-го). Эта записка не была принята во внима-

*) У насъ существовалъ традиціонный взглядъ, что появленіе старшаго н-ка въ боевой линіи — признакъ храбрости, доблести, достойный высшей награды. Забывали однако о цѣлесообразности: Опытъ войны показалъ что для чинъ въ до н-ка дивизіи вкл. необходимость появленія въ боевыхъ линіяхъ представлялась довольно часто. Но она совершенно исключалась для командующихъ арміями. Вообще, чѣмъ выше чинъ, тѣмъ меньшее значеніе имѣеть для него личная храбрость и тѣмъ больше гражданское мужество.

ніе. Къ ней даже отнеслись скептически, какъ къ ученой „схоластикъ“ (полк. Андогскій до войны былъ начинающимъ преподавателемъ военной академіи).

Имѣются свѣдѣнія, что фронтъ ежедневнаго расположенія и дороги движенія корпусовъ точно указывалъ штабъ фронта въ лицѣ ген. Жилинскаго и его н-ка штаба ген. Орановскаго*). Ген. Самсоновъ не имѣлъ должной инициативы. На возраженія ему грозили отчисленіемъ отъ должности. Въ такомъ случаѣ онъ обязанъ былъ проявить гражданское мужество и требовать: или предоставить ему необходимую инициативу въ предѣлахъ поставленной задачи или отчислить отъ должности, но не позволить штабу фронта командовать каждымъ корпусомъ въ отдѣльности. Самсоновъ же, очевидно, понималъ дисциплину не какъ генераль, а какъ солдатъ, т. е. въ точности выполнялъ несуразныя приказанія.

Даже ген. Реннекампфъ одинъ изъ виновниковъ пораженія II-ой арміи, ещѣ времени Китайской войны приобрѣлъ въ правящихъ сферахъ репутацію рѣшительнаго и твердаго боевого генерала. Однако въ русской арміи было извѣстно даже широкимъ кругамъ офицерства, что карьерѣ своей онъ обязанъ главнымъ образомъ недобросовѣстности, выразившейся въ ложныхъ донесеніяхъ, преувеличеніи мнимыхъ побѣдъ и преуменьшеніи дѣйствительныхъ пораженій. Словомъ, генераль обладалъ весьма распростраеннымъ среди нашего высшаго команднаго состава отсутствіемъ гражданского мужества и стремленіемъ дѣлать карьеру, не стѣняясь средствами.

7-го августа 1914 г., имѣя двойное превосходство силъ (4 пѣх. корпуса и 3 кавалерійскія дивизіи противъ 2-хъ пѣх. нѣмецкихъ корпусовъ съ ландверной бригадой и одной кавал. дивизіей) ген. Реннекампфъ нанесъ поражение 8-ой германской арміи ген. Притвица. Послѣдній, обнаруживъ у противника превосходство силъ, въ сущности уклонился отъ рѣшительнаго боя. Отступившіе германскіе корпуса (XVII и I рез.) очутились 13 августа у Бишофсбурга. Отбросивъ, какъ мы видѣли выше, слабо сопротивляющійся нашъ VI корпусъ, они завершили окруженіе XIII и XV нашихъ корпусовъ. Отъ Гумбинена до Бишофсбурга 105 клм. Естественно, нѣмцы могли пройти это разстояніе въ 5 дней (8—13 авг.) Казалось бы, Реннекампфъ, имѣя превосходство силъ, могъ наблюдать и за кр. Кенигсбергъ и въ то же время преслѣдовать противника, не позволивъ ему принять участіе въ бою со II арміей. Въдѣ доносилъ же онъ: „разбивъ нѣмцевъ, побѣдоносно гоню“ и т. д. Въмѣсто того онъ занялся осадой Кенигсберга, утерявъ связь съ отступившей арміей Притвица, широко рекламируя, по обыкновенію, побѣду подъ Гумбиненомъ.

Ген. Людендорфъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ говоритъ, что онъ переживалъ тяжелые дни. Весь успѣхъ дѣла въдѣ сводился къ

*) Разбирая дѣятельность высшаго командыванія, я не отдѣляю работы н-скаго отъ работы его н-ка штаба, ибо никогда нельзя точно установить, гдѣ раздѣляется творчество одного отъ другого и кто изъ нихъ является настоящимъ творцомъ той или другой операціи.

вопросу, удастся ли оттянуть отъ Ренненкампа XVII и I рез. корпуса. Противъ него были оставлены только 2 кавал. бригады между Мауэрскимъ озеромъ и Прегелемъ. „Это зависѣло только отъ Ренненкампа. Если онъ сумѣетъ использовать свой успѣхъ подъ Гумбиненомъ и быстро пойдетъ впередъ, это сдѣлается невысказаннымъ... Ему стоило только нажать на насъ и мы были бы разбиты. Но онъ лишь незначительно подвинулся впередъ и мы одержали блестящую побѣду“...

Почему к-цій фронтомъ, ген. Жилинскій, и Ставка Верховнаго (н-къ штаба ген. Янушкевичъ и ген.-квартирмейстеръ ген. Даниловъ Юрій) допустили столь непонятное бездѣйствіе Ренненкампа, остается пока не выясненнымъ. Они, вѣроятно, не поняли его ошибокъ и послѣ Танненберга, такъ какъ онъ остался к-цимъ I арміей, пока еще разъ не доказалъ своей непригодности въ ноябрѣ 1914 г. подъ Лодзью.

Все же, благодаря доблести нашихъ войскъ, нѣмцамъ не удалась бы столь блестящая побѣда, если бы не рядъ фатальныхъ случайностей. Такъ, напр., противъ столь неудачныхъ нашихъ генераловъ оказались какъ разъ Гинденбургъ, Людендорфъ и Макензенъ (командиръ XVII корпуса), т. е. самыя выдающіяся имена германской арміи. Людендорфъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: „Во время переѣзда изъ Маріенбурга въ Танненбергъ (10 авг. ст. ст.) намъ прислали перехваченное у непріятеля радіо, давшее намъ ясную картину его плановъ въ ближайшіе дни“... Но вѣдь радіо были зашифрованы. Значитъ, у нѣмцевъ былъ шифръ. Обнаруженная потомъ измѣна Мясоѣдова подтверждаетъ это. Французскій генераль Бюа въ своемъ докладѣ о русско-нѣмецкомъ фронтѣ, прочитанномъ въ 1922 г. (отчетъ помѣщенъ въ „Echo de Paris“), устанавливаетъ, что нѣмцы имѣли въ своемъ распоряженіи наши радіо-шифры. Такимъ образомъ Людендорфъ читалъ словно въ открытой книгѣ всѣ наши планы и, естественно, смѣло и увѣренно выполнялъ свои контръ-маневры. Благодаря этому и были возможны столь блестящія побѣды, какъ разгромъ большихъ нашихъ силъ меньшими нѣмецкими, да еще съ захватомъ въ плѣнъ 2-хъ корпусовъ. Однако, вышеприведенныя ошибки нашего высшаго командованія столь велики, что, даже безъ указаннаго преимущества нѣмцевъ, мы не побѣдили бы ихъ въ В. Пруссіи. Мы лишь избежали бы отъ столь крупнаго пораженія.

Послѣдствія В.-Прусской операціи для насъ были огромны. Правда, задача, которую ставило себѣ наше Верховное командованіе по требованію Франціи, была достигнута. Нѣмцы не выдержали характера и сняли съ главнаго пункта удара на французскомъ фронтѣ 2 корпуса (I гв. резерв. и XI) и 8-ю кавал. дивизию, отправивъ ихъ въ В. Пруссію. Если бы эти войска были оставлены въ составѣ арміи фр. Клука — большой вопросъ удалось ли бы ген. Понури (к-цій 6-ой фр. арміей) принудить къ отступленію правый нѣмецкій флангъ? Но Россія понесла тяжкія потери изъ состава своихъ лучшихъ кад-

ровыхъ частей, а также потеряла значительное количество столь необходимаго намъ оружія. Печальная для насъ въ военномъ отношеніи В.-Прусская операція, потребовавъ большого напряженія нашихъ силъ, не позволила довершить сразу же въ 1914 г. разгромъ австро-венгерскихъ армій. Разгромъ ихъ вышелъ не полный. Но еще большее значеніе, тогда трудно понимаемое и столь же трудно учитываемое, имѣла В.-Прусская операція въ моральномъ отношеніи. Начальники наши прониклись невысказываемымъ убѣжденіемъ, что сражаться успѣшно противъ нѣмцевъ они не могутъ, что передалось и солдатамъ. Поэтому то въ послѣдствіи во всѣхъ столкновеніяхъ съ нѣмецкими войсками замѣчалась со стороны команднаго состава неувѣренность, осторожность, опасеніе — какъ бы чего не вышло?

Еще во время Русско-Японской войны было установлено, что наша рота противъ роты противника дерется отлично, батальонъ — хорошо, полкъ противъ полка — удовлетворительно, но уже дивизія плохо, а про армію нечего и говорить. Про тогдашнее наше командованіе французскій корреспондентъ Людовикъ Нодо сказалъ мѣткое слово: „ils ne savaient pas“ — они не знали. То же можно сказать и про послѣднюю войну: большинство крупныхъ начальниковъ не знало современной войны и не умѣло управлять войсками.

Ошибки, допущенныя сверху, во многихъ случаяхъ значительно парализовались тѣмъ, что наша старая армія по своимъ качествамъ все же стояла высоко среди европейскихъ армій. Она, правда, уступала нѣмецкой въ выучкѣ, но это объясняется національными свойствами нашего народа. Ея сила заключалась въ ея толщѣ, т. е. офицерахъ и солдатахъ, въ ея боевыхъ традиціяхъ, коими она была проникнута по своему воспитанію. Она одержала рядъ блестящихъ побѣдъ часто вопреки неумѣлому высшему командованію, за ошибки котораго расплачивалась обильною кровью. Со второго года войны ошибки эти стали меньше, ибо потерявшій авторитетъ мирнаго времени высшій командный составъ частью обновился, частью же сталъ болѣе полагаться на своихъ помощниковъ — младшихъ чиновъ генеральнаго штаба, хотя и не имѣвшихъ должнаго опыта, но обладавшихъ болѣе современными знаніями. Въ началѣ 1917 г. мы были накануне рѣшительныхъ побѣдъ. Поддержала революцію и измѣнила союзникамъ не старая армія, а, такъ называемый, вооруженный народъ, т. е. негосударственная, мало культурная, легко поддававшаяся пропагандѣ, толпа, смѣнившая погибшихъ кадровыхъ воиновъ.

Каковы же выводы для будущаго даетъ В.-Прусская операція?

Мы по справедливости перенесли главную вину на нашъ высшій командный составъ. Зная достаточно изъ военной литературы характеристику высшаго команднаго состава французской и германской армій, мы можемъ утверждать, что ни въ одной изъ нихъ война не выдвинула геніевъ, подобныхъ Наполеону или крупныхъ талантовъ вродѣ Мольтке Стараго. Вообще вѣдь геніи и таланты появляются рѣдко, а въ нынѣшней демократической вѣкъ, видимо, надолго оставили человѣчество. Генералы — Фошъ, Жоффри, Пэтэнъ, Гинденбургъ, Людендорфъ, Макензенъ и др. это не геніи и даже не круп-

ные таланты, но добросовѣстные ученые и спеціалисты своего дѣла. Большинство лицъ французскаго высшаго команднаго состава минувшей войны—это б. профессора военной Академіи (*l'eccole superieure de la guerre*) или ея прилежные ученики. Академія не только проводила опредѣленную военную доктрину въ мирное время, но въ лицъ своихъ учениковъ и профессоровъ вела войну, непрерывно изучала ее и примѣняла новые способы. И понынѣ продолжается тамъ непрерывная работа военно-научной мысли и существуютъ особыя школы для высшаго команднаго состава.

Дабы не повторять вопіющихъ ошибокъ прошлаго мы, русскіе, должны учиться непрерывно, отъ послѣдняго рядового до перваго генерала; при этомъ чѣмъ выше чинъ, тѣмъ больше знаній отъ него требуется. У насъ часто спорили о томъ, что такое война—наука или искусство. Нынѣ слѣдуетъ считать правильнымъ взглядомъ, что „подготовка къ войнѣ—наука, а веденіе ея искусство“. Разсчитывая на людей со средними способностями, слѣдуетъ доводить до максимума ихъ подготовку въ мирное время, тогда только они проявятъ искусство. Людендорфъ правъ, говоря про В.-Прусскую операцію: „мы выиграли побѣду, благодаря нашей лучшей подготовкѣ мирнаго времени“.

Въ отношеніи подготовки высшаго команднаго состава, вѣроятно, всѣмъ придется идти по примѣру Франціи—организовать особыя школы для лицъ высшаго команднаго состава. Послѣдняя война доказала, что нынѣ приходится не только вести войну, но еще и учиться новымъ приемамъ и способамъ ея, подсказываемымъ современностью. Нынѣшній тылъ армій—это не только хозяйство и снабженіе, но въ то же время и сплошная академія, при томъ не для однихъ солдатъ и прапорщиковъ, но и для генераловъ. Это новое явленіе, къ сожалѣнію, также не было учтено нами въ минувшую войну.

И. ПАТРОНОВЪ.